

Наталья Нестерова

Грезияетка

*Часть сборника
Неподходящий жених (сборник)*

Наталья Нестерова

Грезитка

«АСТ»

2009

Нестерова Н.

Грезиятка / Н. Нестерова — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-077330-5

«Пятнадцать лет назад грезияткой я называла девушку Олю, мою ровесницу. Я была студенткой университета, а Оля – коммунального техникума. Она приехала к нам в Москву, прожила месяц и оставила после себя не лучшие воспоминания. Оля – подруга моей двоюродной сестры из Петрозаводска. Заявилась в столицу ради своего жениха Леши, курсанта какого-то военного училища...»

ISBN 978-5-17-077330-5

© Нестерова Н., 2009

© АСТ, 2009

Наталья Нестерова

Грезияетка

Пятнадцать лет назад грезияеткой я называла девушку Олю, мою ровесницу. Я была студенткой университета, а Оля – коммунального техникума. Она приехала к нам в Москву, прожила месяц и оставила после себя не лучшие воспоминания. Оля – подруга моей двоюродной сестры из Петрозаводска. Заявилась в столицу ради своего жениха Леша, курсанта какого-то военного училища.

Сказать, что Оля была влюблена в Лешу, значит ничего не сказать. Это была не страсть, а настоящая болезнь, лишившая Олю любых мыслей, кроме грез о Леше, отбившая всякую активность, не направленную на встречу с женихом. Днями Оля валялась на диване, слушала сентиментальные (и, откровенно говоря, пошловатые) песни, крутившиеся по кругу. К вечеру поднималась, долго и тщательно красилась, напяливала мой наряд (вначале спрашивала разрешение, а потом брала без спроса) и ехала на свидание к Леше. По воскресеньям свидание начиналось в полдень.

Меня Оля нервировала и раздражала, как мелкий камушек в ботинке.

– Может она пол подмести и картошку к ужину почистить? – зло спрашивала я маму.

– Не придирайся к Оле, – отвечала мама. – Видишь, девушка не в себе.

– Но она совершенно в себе, когда трескает приготовленный тобой обед. А посуду за собой помыть любовь не позволяет?

Мама все прощала Оле-нахлебнице, потому что Оля расписывала свою любовь весьма трогательно:

– Все время думаю о нем и только о нем. Мечтаю, картинки мысленно рисую, прямо как кино. Мы с Лешей на море, или в лесу, или гуляем. Я с ним постоянно разговариваю про себя. Не могу без него! Совсем! Мне нужно, чтобы он каждую секунду был рядом. Умираю без него! Так чувствую: Леша рядом – я живая, нет Леша – умираю. На все могу пойти, чтобы только не отлипнуть от него.

Она и не отлипла. Видела я их вместе: Оля спрутом повисла на его руке, голова поднята, губы просят поцелуя. Леша стесняется, но целует, дрожит вожаделенно. Оля еще и еще требует, не видит ничего вокруг, ее не интересует, что люди подумают.

Леша извиняется:

– Оля, я же в форме. Погоди, сейчас в скверик уйдем.

Ничего особенного Леша из себя не представлял.

Рост и интеллект средние, манеры и повадки провинциальные. Уголки рта у него были чуть задраны вверх, поэтому выражение лица – клоунское, но доброе. Часто улыбается. Улыбка замечательная – недалекого парня, славного, но туповатого.

Примерно за неделю до Олиного отъезда я не выдержала и устроила ей разнос. Пришла днем из института, Оля на диване в позе покойницы, умершей в счастливую минуту: лежит на спине, глаза в потолок, блаженная гримаса. Магнитофон стенает: «Мы с тобо-ой два берега у одно-ой реки...»

«Покойница» повернула ко мне голову и слабо спросила:

– Настя, ты пришла?

– Нет, мой призрак прибыл. Чтобы спросить: у тебя совесть есть?

– Что?

– Валяешься на диване, а в раковине гора невымытой посуды. Барыня? Мы обязаны тебя обслуживать? Хорошо устроилась. Можно подумать, что ты не из Петрозаводска прибыла, а прямо из Вестминстерского дворца. Принцесса! Особа королевских кровей.

– А?

– Два! Сядь, когда с тобой разговаривают!

Оля опустила ноги на пол. Смотрела на меня недоуменно, точно я говорю о чем-то отношении к ней не имеющем, вроде движения планет.

– Никогда не приходило в голову, – зло спросила я, – что если ты живешь у людей, то неплохо было бы по мелочи отблагодарить за гостеприимство? Пропылесосить полы, окна помыть, в магазин сходить, ужин приготовить?

Моя сестра, Олина подруга, так и поступала, когда приезжала. После визитов кухни наша квартира сверкала. Хотя мы всячески журили Машу – лучше бы в музей сходила, – в глубине души были очень ей благодарны.

Про музеи я и вспомнила, распекая Олю.

– Можно понять, если бы в музеях ты свой культурный уровень повышала. Который не выше плинтуса, – не без ехидства подчеркнула я. – Но ты целыми днями проминаешь диван. Мечтаешь! Гредишь о занюханном курсанте!

– Ты про моего Лешу?

– Эпитет «занюханный» отменяется. Извини, забудь.

– Настя, что мне надо сделать?

– По пунктам, доходчиво, для особо умных, читай – тупоголовых.

– Что читай? Я книжки не очень люблю.

– Заметно. Итак, по пунктам. Первое. Мой за собой посуду и выбрасывай в мусор ватные тампоны, которыми макияж смываешь. Каждое утро в ванной груда этой мерзости. Почему мы должны за тобой убирать? Второе. Перед уходом складывай свое белье в чемодан, а не разбрасывай по стульям. Лицеизреть твое исподнее никакого удовольствия.

– Я так волнуюсь перед встречей с Лешей.

– Не оправдание. Твоя мавританская страсть еще не повод нам с мамой твои трусы и лифчики собирать.

– Но ведь у вас нет мужчин, твой папа умер.

У меня перехватило дыхание. Идиотка Оля смерть моего отца рассматривает как индугенцию на женское неряшество.

– Ой, Настя! Ты чего покраснела?

Несколько минут назад я мысленно подбирала слова, чтобы деликатно сказать Оле по поводу пользования моими нарядами, но тут отбросила хорошие манеры.

– Последнее и главное! Я тебе больше не разрешаю брать мою одежду! Поняла? Тебя к элементарному не приучили – носила чужую вещь, верни выстиранной, а не воняющей твоим пролетарским потом.

– Но у вас стиральная машина автоматическая.

– Наша машина не про тебя куплена. Голубые джинсы! Новенькие, я их берегла. А ты вчера напялила, теперь они в зелени. Леша тебя по траве кувырчал? Иди ты со своим Лешей, со своей любовью знаешь куда?

Новые, испорченные джинсы были главной причиной моего гнева. Но и оправдание имелось: тогда, пятнадцать лет назад, мы жили на мою стипендию и маленькую мамину зарплату. За стильные джинсы можно было душу дьяволу продать. И Оле я выдала, во-первых, что она заслуживала, во-вторых, что заслуживала, но в «культурном» состоянии духа мною не было бы озвучено, плюс, в-третьих, совершенно лишние проклятия ее родителям и всем предыдущим предкам, не сумевшим привить Оле разумные правила чистоплотности и общезнания.

– Если бы не моя сестра Маша, я показала бы тебе на порог! – орала я.

– А что на пороге? – спросила Оля, заглядывая в прихожую.

Свет не видывал такой дуры. Как Маша с ней дружит?

Двоюродная сестра была бы мне роднее всех родных, даже будь они в наличии. Машку я обожаю с пеленок, она мой кумир, недостижимый идеал, моя радость и мечта. Постоянная

мечта об общении как желании счастья. Мы редко видимся, но подолгу, на каникулах, и практически не ссоримся, хотя дружбу с другими девочками я выдерживала не более трех дней. Они становились скучными, о чем я прямо заявляла. С Машей не скучно, потому что ласковое солнышко никогда не надоедает. Утром проснешься – и хочется солнышка.

Напуганная приступом моего бешенства, Оля отправилась мыть посуду. И кокнула мамину любимую чашку, папин подарок. Я онемела. Слова кончились. В глаз ей, что ли, заехать? Но девица на голову меня выше и значительно крупнее.

Мою немоту Оля восприняла как извинение или отступление. Или – как нечто иное, черт разобрал бы, что творилось в голове этой влюбленной дурынды. Но она попросила:

– Настя, можно я в последний раз возьму твою красную блузку? Леша говорит, блузка мне очень идет.

Непробиваема! Можно не терзаться интеллигентски, что наговорила человеку пакостей. С гуся вода. Она ничего и никого, кроме дорогого Леша, не воспринимает.

– Бери, – позволила я. – Последний раз.

Вечером у меня сердце кровью обливалось, когда мама складывала черепки, прикидывая, можно ли склеить чашку.

– Ольга разбила, – донесла я. – В кои веки заставила посуду вымыть, она удружила.

– Тебя просили оставить Олю в покое, – упрекнула мама.

– Хорошенькое дело! Я же и виновата в том, что у непутехи руки не из того места растут.

Далее мама сказала совершенно удивительное:

– Не надо завидовать Оле.

– Кто завидует? Я?

Мама махнула рукой, как она делала всякий раз, когда считала спор бесполезным, и мне следовало дойти до истины своим умом.

Завидовать Ольге мне казалось верхом абсурда. Я не старая дева и не обижена мужским вниманием. У меня свой роман, достойный и приятный. Моему парню, Борису, курсант Леша в подметки не годится, с какой стороны ни посмотри: ни внешне, ни образовательно. Конечно, нам с Борей любовь мозги не отшибла. Мы с удовольствием встречаемся, но не воем от тоски, когда расстаемся. Нам интересно и хорошо вместе, мы скучаем друг по другу. Но вполне можем провести студенческие каникулы в разных местах – я на море, он – в походе. И отлично отдохнуть, без ежесекундных терзаний: ах, где моя любовь, почему не со мной? Да потому, что каждый человек обладает индивидуальностью, которую следует беречь, а не растворять до остатка в избраннике. Какая у Оли индивидуальность? Микроскопическая. То ли дело я! Без ложной скромности. Большой круг интересов: годовой абонемент в бассейн и два абонемента в консерваторию, научный студенческий кружок, ни одной достойной художественной выставки не пропускаю или премьеры в театре (у моей подруги мама – билетер). У меня день занят от рассвета до заката интересными и полезными делами. Лучше было бы, как Оле, тупо грезить о парне, потерять волю? Передвигаться сомнамбулически, не замечая, что доставляешь другим людям лишние хлопоты? Не читать книг, не ходить в кино, музеи, театры, забросить научную работу, полезное общение? Нет, спасибо, я лучше в здравом уме останусь. Мама ошибается, что бывает с ней редко.

И обе мы предположить не могли, чем обернется бешеная любовь Ольги и Леша.

О дальнейшей судьбе Оли я знала от сестры. Оля и Леша поженились, его отправили служить на Дальний Восток. У них родились дети, две девочки. Потом у Леша произошла какая-то неприятная история, закончившаяся смертью солдата. Лешу сделали крайним и выгнали из армии. Ребята вернулись в родной Петрозаводск. Не сразу, но получили квартиру. Леша работает на стройке, Оля – техником-смотрителем в ЖЭКе.

Все эти годы Оля присылала нам с мамой открытки на Новый год и Восьмое марта. Текст всегда одинаков: поздравляю, желаю счастья и здоровья. Мы не отвечали. Не из-за небрежения. Просто обмен праздничными открытками ушел из нашего обихода. На словах, по телефону через сестру передавали Оле приветы.

Я тоже вышла замуж, за Бориса. Нашему сыну одиннадцатый год. Забияка, разбойник и охламон, сынишка – моя главная радость в жизни.

Когда мама умерла, я впала в глубокую депрессию. Как ни странно, помогла мне выйти из эмоционального ступора Ольга. Прислала очередную новогоднюю открытку, в которой мне и маме (!) желала счастья и здоровья.

Меня взорвало, схватила телефон, набрала номер сестры в Петрозаводске:

– Скажи Ольге: моей маме здоровье уже не требуется!

– Настя, что с тобой? Почему ты кричишь?

– Потому что твоя распрекрасная подруга своими куриными мозгами не может запомнить, что мама умерла! Понимаешь? У-мер-ла! Ты приезжала на похороны.

– Да, конечно. Что Ольга-то сделала?

– Открытку новогоднюю прислала, маму поздравляет! Идиотка. Передай ей, что связи с тем миром я не имею и как там со счастьем обстоит, не представляю.

– Хорошо, передам. Настенька, хочу попросить прощения за Олю. Извини, она забыла. Ольга перед каждым праздником подписывает полтора десятка открыток, такая у нее привычка с молодости, когда жили на Дальнем Востоке и все родные и знакомые находились за тысячи километров.

– Мне плевать на ее привычки. А ей плевать на память о моей маме, коль не может запомнить, что мамы уже нет.

– Настена, я понимаю твою горячность. И хорошо, что она появилась.

– Чего-чего?

– Борис говорит, что ты последний месяц точно биологический робот. Функции выполняешь, а эмоции отсутствуют. Настя, сходи на сорок дней в церковь, поставь свечку за упокой тети.

– Я же атеистка.

– Все равно сходи.

– Еще не туда поставлю свечку, – колебалась я, – за здоровье вместо упокая.

– Что мне нравится в атеистах, – рассмеялась Маша, – так это их боязнь не соблюсти правила, в которые не верят. А на Ольгу не держи зла. Она в принципе не плохая...

– А без принципов?

– Без принципов наша жизнь теряет смысл.

– Философия! Машка! – втянула я воздух носом, потому что потекли, наконец, слезы, долго копившиеся. – У тебя голос совсем как у мамы. Почему ты на нее больше похожа, чем я?

– Зато ты похожа на нашу бабушку, которая тридцать лет была председателем передового колхоза.

– Колхоз – это звучит. У меня на работе сплошной колхоз. Машка, – плакала я и по-детски просила, – хочу к тебе, очень хочу!

– Приезжайте! Сейчас. Летом. Когда угодно. Настена, не плачь... Ой, я тоже захлопала...

Разделенные сотнями километров, мы обливали слезами телефонные трубки. Не знаю, как для Маши, а для меня слезы были живительным потоком чистой воды, который пробил каменные залежи тоски, отчаяния, бессилия, которые заваливают, когда теряешь близких и любимых.

После Нового года у меня вспыхнула болезнь позвоночника. И раньше с ним были проблемы, а тут – полный швах. Ноги помертвели, от боли я ревела как подстреленный бизон.

Сделали очень сложную операцию, к счастью – успешную. Реабилитация, то есть медленное выкарабкивание из пучины недуга заняла несколько месяцев – до лета.

У мужа были планы на отпуск, но я твердила – в Карелию, в Петрозаводск, к Маше и только к Маше. Устроилось удачно. Боря с нашим сыном и Машиной дочерью сплаваются по карельским рекам, я живу у Маши. Надежный присмотр. И ежедневная лечебная физкультура – мой крест на всю оставшуюся жизнь. Сын очень напугался моей болезнью, прочитал в Интернете: главное при реабилитации после данных операций – физкультура – и суровым надзирателем заставлял меня выполнять упражнения. У сына были мамы, его бабушки, глаза. Так я считала, родня молчаливо не соглашалась, отводили взгляд, когда я утверждала. Краем уха слышала: Настя ошибается, глаза у мальчишки точь-в-точь отцовские.

Отпуск – это две недели, больше никому из сносно зарабатывающих москвичей не предоставляют. Первые два дня в Петрозаводске, когда сплавщиков собирали, – кутерьма. Дочка Маши набрала в поход косметики, мой сын тайно притащил из Москвы самодельный арбалет и рогатки. На диких зверей собрался охотиться.

Забыла сказать о Машином муже. По профессии Семен... кто бы вы думали? Грузчик. Точнее – бригадир грузчиков. Умный, начитанный, с прекрасной речью, совершенно самодостаточный щедрый человек, остроумно рассказывающий о своей работе: как рояль на десятый этаж по воздуху, через балкон, поднимали, как везли якобы унитаза, коробки опрокинулись, и в них оказались запчасти к винтовкам. Семен навсегда избавил меня от снобизма столичной дамочки с двумя высшими образованиями. Не в образовании дело, а в человеческом достоинстве.

Сплавщики отбыли. Дети покачивались под тяжестью рюкзаков за плечами. Семен сказал, имея в виду себя:

– Таможня пропустила контрабанду. Щипцы для завивки волос – это наша дочура. Электрических розеток им по пути не встретится. А твой, Настя, поволок-таки рогатки и арбалет. Пусть. Ноша должна продавить хребет, чтобы от нее отказаться.

– А что тайно несет Борис? – напрасно спросила я.

После легкой заминки Семен ответил:

– Взрослый человек. Отвечает не только за себя, но и за детей.

Могла бы и не спрашивать. Борис наверняка в запасные штаны и чистые футболки засунул водку. Допинг, необходимый наркотик для поддержания хорошего настроения и бодрого духа. Одной бутылки на две недели ему не хватит. Значит, минимум взял две или три.

– Так лучше, – сказала я.

Имея в виду, что мой муж в легком постоянном подпитии сносный и относительно надежный человек. Когда трезв – хмур и немногословен. Под хмельком у него и координация лучше, за детей можно не волноваться.

Маше и Семену не требовалось уточнений. Они верили мне, как верят только родные люди. Знали, что своего сына и племянницу я не подвергну опасности.

На следующий день Семен тоже уехал в командировку – перевозить и устанавливать многотонный церковный колокол.

Маша убирала в квартире. Мою помощь решительно отвергла:

– Делай упражнения! Не смей пылесос трогать! Я сама, а ты: раз два-три-четыре, повороты, наклоны. Без халтуры! Глубже вдох, сильнее выдох!

Мы взопрели: я – от эгоистичной физкультуры, Маня – от полезной уборки. Сестра меня баловала. Какое удовольствие, когда тебя балуют! Меня баловали только мама и Маша. Сын учится этой науке. Научится – еще большее счастье будет.

Ух! Устали! Мы плюхнулись: Маша на диван, я – в кресло.

– Кто первым в душ? – спросила Машка.

И тут же одновременно завопили:

– Я-а-а!

– Я-а-а!

Нам было под сорок лет, взрослые женщины. А мы сцепились в рукопашной, как подростки, как тридцать лет назад. Боролись на диване, свалились на пол, катались от ножек стола до телевизора. Я таки Машку – на лопатки, припечатала к коврику.

– Ой! – вопила она. – Кто у нас на спине больной? Кто был парализованный? Да на тебе бочки возить! Иди к Семену в бригаду заместителем главного грузчика.

После душа мы закутались в махровые халаты. Мне достался халат Семена: кисти на середине рукава, по полу длинный шлейф тянется. Маша веселилась, говорила, что я похожа на детдомовца, которого отогрели, отмыли, подходящей одежды не нашлось, и сиротку одели во взрослое.

Мы пили чай с мятой. Оля спросила:

– У Бориса это... с выпивкой серьезно?

Я неопределенно взмахнула рукой. Мамин жест: мол, не хочу сейчас об этом говорить. В последнее время я стала ловить себя на том, что повторяю мамины движения, мимику.

Да и что бы я сказала Маше? Что наш брак – добровольное сосуществование тихого алкоголика и честолюбивой дамочки, чьим грандиозным планам мешает слабое здоровье?

Сестра переменяла тему:

– Оля настойчиво приглашает к себе. Давай сходим ненадолго, а то неудобно.

– Почему бы и нет?

– Согласна? Замечательно! Прямо сейчас ей позвоню.

Получив сообщение о визите, Ольга, наверное, засуетилась. Потому что Маша ее успокаивала: никаких столов парадных не устраивай, только чайку попьем.

Квартиру Оля с Лешей получили за выселением. На ремонт у них денег не было, да и не накопилось до сегодняшнего дня. Квартира представляла собой унылое зрелище. И не только потому, что требовалось давно поменять окна, двери, пол, ободрать старые обои и наклеить новые – словом, отремонтировать основательно. У Оли было грязно. К нашему приходу она, очевидно, пыталась навести порядок. Но такая уборка называется – развести грязь ровным слоем. Никуда не делись пустые банки под столами, воткнутые в обрезанные пластиковые бутылки побеги комнатных растений с клубкам белых корней – пересадить следовало месяца два назад, чайная посуда с коричневыми неотмытыми потеками, помутневшие хрустальные вазы, солидный слой пыли в серванте и на экране телевизора. Сама Ольга за годы, которые мы не виделись, раздобрела, точно вспухла. Но и я не помолодела. О чем Ольга мне сообщила, едва мы расцеловались:

– Какая ты стала!.. Усохшая.

– Мерси! – усмехнулась я.

– Ой, извини, ты же болела!

– Не заразно.

Оглядевшись в квартире, я невольно подумала: «Чему она дочерей научит? Вырастут такие же неряхи».

И ошиблась. Ольга показала комнату девочек. Порядок и чистота идеальные. Книжки на полках стоят по росту, куклы сидят чинно, причесанные как перед балом. На полированных письменных столах – ни пятнышка, тетрадки, учебники – стопками, ручки, карандаши – в стаканчиках. Не валяются ни брошенная в спешке блузка, ни джинсы.

– Это все моя Ленка, старшая, – сказала Ольга. – Забодала всех чистотой. Плесень проела – поменяйте нам обои старые, краску купите, я на окна и батареи смотреть не могу...

Ольга жаловалась на дочь, мы прошли в кухню, где запущение всегда более заметно. Несмотря на то что мы предупредили – только чай, Ольга затеяла пир. И, естественно, ничего

не успела. На плите булькали в кастрюльке выпустившие белок яйца – для оливье. На столе – картошка в мундире, которую начали чистить для салата и селедки под шубой, сама селедка, халтурно освобожденная от костей, в блюде замоченный чернослив, который планировалось нашинковать грецкими орехами, уже освобожденными от скорлупы, горой насыпанной, соленые огурцы в банке, вареная колбаса, пустые пакеты, ножи, ложки, разделочные доски – на столе не было пяти квадратных сантиметров пустого места. Словом, картина: много хочу, мало умею.

– Ой, девочки! – глупо и бодро сказала Ольга. – Я сейчас быстренько все доделаю.

«Здесь быстренько часа на два», – подумала я, но вслух сказала:

– Для чего еще подруги, как не в помощь?

Мы распределили обязанности и приступили к работе. Ольга продолжила рассказывать о дочери. Будто кран закрыли на минуту, а потом снова открыли.

– Ты, говорит, мама, неаккуратная. А когда мне аккуратной быть? Как проклятая с утра до вечера, весь дом на мне. Я ей: не нравится, сама убирай. Она: за вами, мол, не наубираешься. И в туалете воняет. А это, отвечаю, сортир, а не розарий. Ну, туалет-то она моет. Перчатки натянет и драит. Ты, говорю, еще маску напяль...

– Оля, – перебила я, – а младшая дочь?

Ольга запнулась, словно только вспомнила наличие второй дочери.

– Со старшей пример берет, тоже гонор начинает показывать. И вот Ленка мне...

– Как девочки учатся? Я увижу их сегодня?

– Не, они у бабушки. Учатся? Да, нормально. Значит, Ленка мне претензии...

Все родители время от времени жалуются на детей. Но львиная доля в наших жалобах – гордость за детей. Я, скажем, возмущаюсь: сын два месяца сидел в каком-то молодежном чате, прикидывался легчиком-полярником и морочил головы взрослым девушкам. Подтекст моих речей – мальчик с компьютером на «ты». В Ольгиных словах подтекст не просматривался. Но предположить, что она из двенадцатилетней девочки сделала себе врага, было нелепо. Да и вникать не хотелось. После нашей с сестрой веселой потасовки и совместного принятого душа настроение было самое благодатное.

– Будет тебе, Оля! – примирительно сказала я. – Радуйся, что дочери такие чистюли. Безо всякого твоего усилия, – не удержалась от шпильки. И тут же перевела на Пушкина, вспомнила его слова. – Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей.

– О, ногти! – подхватила Ольга, которой каждое лыко было в строку. – Как сядет Ленка за маникюр, так три часа возится. Кутикулы выводит. У меня отродясь никаких кутикул не было...

– Оль, хватит! – попросила Маша. – Несешь и несешь! Можно подумать, что ты дочь не любишь.

– Как не люблю? – опешила Оля. – Разве можно не любить?

– Тогда не наговаривай на ребенка. А то Настя подумает, что ты не мать, а ехидна.

– Ты что? – испугалась Ольга. – Настя, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.